

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

ИСТОРИЯ ГАЛАКТИКИ СЕРВ-БАТАЛЬОН

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)
Л55

Ливадный, А.

Л55 История Галактики. Серв-Батальон / А. Ливадный. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 384 с. — (Миры Андрея Ливадного).

ISBN 978-5-521-73933-2

Середина Первой Галактической. История одного механизированного батальона Земного Альянса. Всего лишь сутки боев за планету Анкор...

BIC FLC
BISAC FIC028000

ISBN 978-5-521-73933-2

© Ливадный А. Л., 2019
© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

Пролог

***22 августа 2617 года по летоисчислению Земли.
Линия Хаммера...***

Знойный, хмурый полдень на Везувии озаряли отсветы множества извержений.

Отравленный выбросами вулканической деятельности воздух не годился для дыхания, низкое небо, сплошь затянутое косматыми, свинцово-серыми облаками, висело низко, отражая багрянец огненной стихии.

Казалось, распростершийся под низким, давящим небом мир совершенно непригоден для жизни, но война изменила многие критерии целесообразности.

Везувий был не просто колонизирован, а плотно заселен: здесь располагались промышленные базы Земного Альянса, обеспечивающие ремонт пострадавшей в боях техники, — с театров боевых действий на орбиты планеты, через аномалию космоса буксировали поврежденные космические корабли, которые затем доставляли на поверхность при помощи специальных технических

носителей. Немало прибывало транспортов с разбитыми серв-машинами, которые еще подлежали ремонту, или предназначались для разборки на запасные части.

На Везувии базировались не только «сухие» ремонтные доки для крупнотоннажных кораблей, но и заводы по восстановлению планетарной техники, — в суровых условиях горячей, молодой планеты, где деятельность вулканов не требовала дополнительных средств маскировки, а полезные ископаемые залегали буквально на поверхности, существовало еще одно преимущество: расположенные тут полигоны, предназначенные для испытаний восстановленных серв-машин, идеально отвечали критериям условий «приближенных к боевым».

...

Дональд Кроу относился к жизни легко.

Служба на испытательных полигонах Везувия в другое время не показалась бы синекурой, но когда идет страшная по количеству жертв и накалу боев война, которой, как пожаром охвачен весь освоенный людьми космос, жизнь под низким, свинцовым небом покажется райской, если альтернатива — почти гарантированная смерть.

В общем, он не роптал на судьбу.

Сегодняшний день не сулил неприятностей и вряд ли в понимании Дональда отличался от сотен других серых и скучных, наполненных трудной, но не опасной работой.

Сегодня ему предстояло прогнать тест у трех «Хоплитов», отреставрированных после жестоких боев. Ничего сложного или необычного — прогулка по коварной, пересеченной местности в условия плохой видимости из-за постоянного падающего с небес вулканического пепла, пара прыжков на реактивных ускорителях через неширокие реки лавы, пересекающие равнину, стрельба по мишеням.

Кроме необходимости провести много часов в стареньком боевом скафандре, в котором к тому же сбила система терморегуляции, иных неудобств не предвиделось.

Покинув ангар, Кроу уверенной походкой направился к крайней в ряду машине. «Хоплит2М» — новая модель, обещающая стать настоящей «рабочей лошадкой» десантных подразделений на ближайшую перспективу.

...

Подойдя к сорокапятитонному исполину Дональд невольно обратил внимание на внешний вид машины: оба подвесных орудия заменены; на оружейных пилонах по правому борту красовалась новенькая сборка ракетных тубусов, зенитная турель вообще отсутствовала, вместо нее конструктора установили два лазера средней мощности на вращающихся ложементах.

Интересная конфигурация. — Подумал Кроу, обходя серв-машину. Под слоем свежего маскирующего покрытия «хамелеон» (в данный момент дезактивиро-

ванного) на некоторых бронеплитах сегментированной обшивки угадывалось множество выщерблин, — *досталось же ему*, — мысленно удивился Дональд, заметив, что все бронированные кожухи, закрывающие сервомоторные узлы, отливают свежим заводским гляncем, — их сменили, как и подавляющую часть керамлитовых сегментов. Создавалось впечатление, что сервомеханизм получил не просто критические повреждения, он был в буквальном смысле изрешечен...

Трудно даже представить в какой дикой мясорубке пришлось побывать «Хоплиту», чтобы получить *такие* повреждения.

Ладно. Мое дело протестировать механизм.

Настроение у Дональда было отличным, он открыл защитную заслонку и коснулся сенсора технического доступа в рубку.

Послушно раскрылся люк, с пятиметровой высоты спустилась телескопическая лесенка.

Насвистывая веселый мотивчик, Дональд поднялся к рубке, прошел через шлюз и оказался внутри сервомашины.

Обзорные экраны включились при его появлении, подвижные приборные панели, плотно обступающие пилот-ложемент, отодвинулись, освобождая пилоту проход к креслу.

Он включил дистанционную связь через устройства импланта, — при этом не инициировался полноценный

нейросенсорный контакт разума человека с системой «Одиночка», а включался режим мысленных команд третьего уровня, — вполне достаточно для технического тестирования, тем более что большинство операций машина будет производить сама, а дело Дональда — подкидывать ей внезапный вводные, на которые киберсистема должна реагировать быстро и адекватно.

Ну что детка, начнем?

В ответ канал связи отозвался глухой тишиной. Приборные панели автоматически вернулись на место, зажглись огни индикации автопилотов, — машина демонстрировала полную готовность к прохождению испытаний, но модуль «Одиночки» не желал разговаривать с человеком.

Дональд разозлился.

Вообще он был покладист, даже немного трусоват, — лишь в общении с бездушными и безропотными машинами позволяя себе снисходительную развязанность.

В конце концов, чтобы там не твердили о наличии искусственного интеллекта у нового поколения «Одиночек», типа «Беатрис-4», что, судя по спецификации, установлена на борту данного «Хоплита», но Кроу неизменно относился к машинному разуму, как к дешевой подделке, — подумаете искусственный интеллект, что ж теперь с каждым дройдом пехотной поддержки беседовать как с равным?

Нет уж детка, заканчивай привередничать. Наверное, у тебя милый голосок. Ну, скажи: «доброе утро пилот»...

Тишина в коммуникаторе неприятно оглушала. Она казалась вязкой, неприязненной, враждебной.

Ладно. Я с тобой разберусь. — С нотками раздражения подумал Дональд, застегивая страховочные ремни. Амортизационные дуги пилот-ложемента, катапультируемого в случае критических повреждений машины, автоматически сомкнулись, приборные панели придвинулись еще ближе, все сигналы индикации свидетельствовали о полной готовности к ходовым испытаниям.

Вперед, прямо на пятьсот метров, затем поворот — девяносто градусов вправо. Пошла!

«Хоплит» не шелохнулся.

Вот дрянь... Ты что возомнила о себе, железка? Я ясно сказал — начинаем движение!

В следующий момент произошло нечто невероятное. Вместо того, чтобы подчиниться приказу, машина внезапно зажгла на пульте злобный предупреждающий сигнал, затем раздался характерный звук раскрывающихся, будто металлический бутон, бронеплит рубки управления, и пилот-ложемент с онемевшим от неожиданности Дональдом швырнуло к хмурым небесам Везувия болезненным ударом аварийно-спасательной катапульты.

«Хоплит», катапультировав пилота, включил канал телеметрии, транслируя данные о работе систем на цен-

тральный диспетчерский пункт полигона, и начал движение, — на пятьсот метров прямо, потом направо, и дальше, — по собственной инициативе, преодолевая различные преграды и расстреливая внезапно появляющиеся мишени.

* * *

Когда Дональд Кроу, освободившись от страховочных ремней благополучно приземлившегося ложемента, доковылял до командного пункта, «Хоплит» уже завершил тестовую программу, самостоятельно вернулся к ангару и занял место в центре разметочного круга.

Войдя в помещение диспетчерской Дональд, уже успевший разгерметизировать шлем, разразился яростной бранью.

Начальник полигона — майор, потерявший в боях обе руки, которые ему заменяли кибернетические протезы, повернулся, посмотрел на разъяренного пилота и произнес:

— Успокойся.

— Успокойся?! Да эта фрайгова машина вышвырнула меня из рубки!

— Я видел.

— И что?! — Лицо Кроу исказила злобная гримаса.

— Видно ты пришелся не по душе «Беатрис». — Сохраняя хладнокровие, ответил майор. — Я тут посмо-

трел документы, она потеряла пилота в последнем бою. Оттуда попала к нам.

— У нее травматический шок?! Не может видеть других людей? Не желает слушать чужих приказов?! Страдает по своему пилоту?

— Да. — С холодной неприязнью в голосе ответил майор.

— С каких это пор «Одиночкам» позволено переживать, а тем более вышвыривать человека из рубки?!

— У нее погиб пилот. — Словно не слыша слов Дональда, повторил старший офицер полигона. Он в отличие от Кроу знал, что значит терять боевых друзей, он видел, как плачут мужчины, и, сравнивая хамское поведение пилота-испытателя, со сдержанной реакцией искусственного рассудка, познавшего боль смертельной утраты, находил сравнение не в пользу Кроу.

— Вот что, — устало произнес майор. — Машина полностью прошла тест. Она исправна. Давай, подписывай акт испытаний, и забудем о случившемся.

— Что?!

— Ничего. Я наложил свою резолюцию: испытания успешны, «Хоплит» рекомендован к эксплуатации в автоматическом, беспилотном режиме. Подписывай, или клянусь богом — я найду способ отправить тебя на фронт!

Лицо Дональда вытянулось, побледнело, — он в первый раз видел флегматичного майора *разъяренным*,